СКАЗКА ТРЕТІЯ,

о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ Княжествѣи Княженіи.

КАТЕНЬКѢ МОІЕРЪ и МАШЕНЬКѢ ЗОНТАГЪ.

СКАЗКА ТРЕТІЯ,

о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ, и о новомъ Княжествѣ и Княженіи.

Здравствуйте, тѣни милыя! Здравствуйте, родныя отечественныя видѣнія! Вы одногнездки со мною, земляки мнѣ, по Бугу и по Днѣпру, по Дону и по Невѣ — но вы язычники и поклоняетесь идоламъ росту исполинскаго и кумирамъ искаженнымъ, по желанію и самовольной

прихоти созидаемымъ; они являются и пугаютъ васъ, жалуютъ и виры налагаютъ, мучатъ безчеловѣчно, братаются и снова кары насылаютъ страшныя; вы заговариваете ихъ и умаливаете, то завѣтомъ, то обѣтомъ откупаетесь — волхвы и шаманы и кудесники сохраняютъ связи ваши съ вѣдьмами, съ домовыми и съ русалками и съ богами высшими — сводятъ съ ними и разводятъ васъ; — мы дивимся вамъ и богатырскимъ вашимъ подвигамъ; наши дни текутъ однообразные — чародѣйства и въ завѣтѣ нѣтъ; вѣки тмой непроницаемой налегли на житъ и бытіе ваше; отголоски слабые въ преданіяхъ изустныхъ отзываются и замираютъ — станьте ещежды, тѣни прадѣдовъ, станьте въ доспѣхахъ своихъ ратныхъ, богатырскихъ, и протеките надо мною медленно: я вдохновенъ и увижу васъ: увижу невидимокъ; я знаю грамотѣ Россійской скорописной и предамъ память вашу потомству, я избавлю васъ отъ забвенія!

И славолюбивые предстали и протекли чредою медленной, благообразной!

Начинается сказка чудная: о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ Княжествѣ; излагаются въ ней доблести и прозвища помянутыхъ рыцарей близнецовъ и третьяго единоутробнаго ихъ брата. А кто читать станетъ, просимъ не прогнѣваться; у меня сказочникъ парень незадорный; ѣстъ пряники писаные, а говоритъ рѣчи безграмотныя; быль–небылицъ стариннаго вѣку наслушавшись, мелетъ, не такъ какъ слово къ слову пригоняютъ, на безменъ прикидываютъ, на аршинъ примѣриваютъ — упаси Богъ! За эдакимъ письмомъ промаявшись, когда нибудь безъ покаянія умрешь! — Нѣтъ, онъ мелетъ съ проста, съ плеча!

Сказка написана во здравіе и утѣшеніе Катеньки Моіеръ и Машеньки Зонтагъ; писатель кланяется и бьетъ челомъ; маленькой рыбкѣ малое плаваніе, а выростете велики, читайте были

высокоумныя, да меня со сватомъ Демьяномъ лихомъ не поминайте. Сказки и преданія предтечи лѣтописей.

Сказка отъ начала начинается, до конца читается, въ срединѣ не перебивается. Сказка моя такъ сложена, что добрымъ дѣточкамъ въ руки дается, а отъ недобрыхъ бѣгаетъ, какъ жеребенокъ молодой лягается, сѣрой кошкой перекинется, невидимкой скроется. Уставьте же, дѣти, свои ушенки, какъ молодые зайченки, сидите и слушайте!

За полями, за лѣсами, за морями дальними, отъ нашего отечества въ разстояніи такомъ неизмѣримомъ что глазомъ не окинуть и пядью не перемѣрять, властвовалъ Князь — не скажу и имени его, для того, что онъ былъ Князь не добрый, лихой, брюзгливой, неприступный и завистливый. Онъ по жеребью сыскалъ и супругу по себѣ; придворные, шутя, звали его *Сенькою*, а супругу его, которая, скрывая низкій уродливый ростъ свой — ибо она была не выше Русскаго букваря, только по толще — всегда носила

пресмѣшную бобровую шапку, называли запросто *Шапкою*; отъ чего въ послѣдствіи и произошла пословица: *по Сенькѣ шапка.* Жили они жили, Князь Сенька со Княгинею Шапкою, соскучились безъ дѣтища и заслали вѣдьму чалоглазую, за море за Варяжское, въ тридесятое Государство, во страну невѣдомую, гдѣ у Царя тройни родились красоты и доблести рѣдкой, такъ что слухами о себѣ и славою преисполнили вселенную. Украла чародѣйка злая мальчиковъ трехъ у несчастнаго невѣдомаго Царя Варяжскаго, понесла ночью темною по лѣсамъ и по горамъ и уронила, потеряла одного малютку, а донесла только двоихъ и вручила ихъ повелителямъ страны своей. Они выдали близнецовъ за своихъ: не было родинъ, вдругъ двое крестинъ! Малютки, близнецы, милые, пригожіе, ни въ отца, ни въ мать, ни въ семейную стать, ну такъ, что дивились имъ повивальная бабка, гости именитые, придворные и весь народъ. Они росли не по днямъ, а по часамъ; привлекали и плѣняли неимовѣрною

миловидностію и юнымъ мужествомъ своимъ всѣхъ, ихъ окружавшихъ. Князю Сенькѣ съ Княгинею Шапкою, ложнымъ родителямъ ихъ, стало теперь это завидно, и начали они придумывать способъ, какъ бы бѣдныхъ пріемышей своихъ извести, или съ рукъ сжить. Не думай, не гадай, а испортить отдай, сказала мать — и стали дѣтей встрѣчному и поперечному показывать, и заставляли хвалить ихъ и удивляться красотѣ и здравію ихъ; ибо въ тогдашнее небразованное время, а этому уже очень давно, вѣрили еще тому, что, если недобрымъ глазомъ кто на кого взглянетъ, или нечистымъ языкомъ похвалитъ, такъ испортитъ или сглазитъ. Но бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ; съ инова сорвалъ бы и голову, такъ не ухватишь и волоса; наровишь сосѣду въ бровь, а попадешь себѣ же въ глазъ! Малютки росли да потягивались, живы, здоровы, а у Князя на лбу разцвѣла шишка съ Крымской огурецъ, а Княгиня, будто бы на полъ–локтя въ землю ушла, сдѣлалась еще ниже прежняго! Праведный гнѣвъ

овладѣлъ теперь Княземъ; онъ созвалъ мудрый Совѣтъ свой, людей великихъ и опытныхъ, и приказалъ имъ, скоро на скоро, со стула не вставая и глазъ съ мѣста не сводя, придумать–пригадать и на дѣлѣ указать, какъ извести Князьковъ неодолѣваемыхъ. Между Судьями княжескими, блюстителями правды, былъ нѣкто *Бѣлоусъ Переметная сума*, который всегда и во всемъ Князю потакалъ, много исполнялъ дурныхъ его приказанiй, и славился притомъ пронырствомъ своимъ, смѣтливостiю, узорчатымъ умомъ и тороватыми выдумками. Иной хомякъ не успѣлъ бы и напойку табаку ухватить, какъ онъ дѣло придумалъ, приладилъ, пригадалъ и шопотомъ Князю пересказалъ; Князь до того обрадовался этому, что послалъ всему Совѣту своему по стакану збитню, по Муромской сайкѣ, и велѣлъ первому придворному скомороху и цимбалисту своему сыграть имъ по плясовой на брата. Кошкѣ смѣшки, а мышкѣ слезки; кто скачетъ, а кто и плачетъ!

На утро, ни свѣтъ, ни заря, Бѣлоусъ переметная сума встаетъ раньше тетерева, садится въ ладью рыбацкую, беретъ съ собою бочку дубовую чистой отдѣлки, съ мѣдными литыми обручами; закупорена, засмолена и закрашена кругомъ, пазамъ и слѣду нѣтъ, только Богъ одинъ вѣдаетъ– знаетъ, что злодѣи думаютъ, что гадаютъ! — Ударили гребцы–молодцы, волною взлелѣянные, въ весла, выгребли на вѣтеръ, поставили парусъ волнистый бѣлокрылый, и полетѣла ладья, не поспѣетъ волна слѣдъ заливать!

Черезъ часъ мѣста Бѣлоусъ переметная сума воротился и доложилъ Князю, что дѣло сдѣлано, и травой поросло. Князь его произвелъ въ первые придворные Орѣходавы свои, приказалъ носить кафтанъ на изнанку, и дозволилъ походя спотыкаться на каждомъ шагу — знаки отличнаго благоволенія! Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай; что земля, то проказы!

Но когда Бѣлоусъ Переметная сума возвращался съ моря, ладья его шла легко,

подымалась высоко, и летѣла по волнамъ; тяжелой бочки съ мѣдною оковою не было; онъ скинулъ ее въ море, пустилъ во глубину неизмѣримую — если Ивана Великаго тремя саженями наставить, и макушка не выкажется изъ воды; мѣрнымъ аршиномъ въ высокосный годъ не перемѣрять; лучшему водолазу, безъ жернова на шеѣ, дна не достать! Сохрани насъ Богъ и помилуй, дѣтки; вздумаешь, такъ голова кружится! Ты, Маша, на Черномъ морѣ живучи, видывала, какъ Китъ–рыба ныряетъ, по безмѣрной и необъятной средѣ свѣтлой гуляетъ; а ты, Катя, по Юрьевской мостовой похаживая, до поры, до времени, въ долгъ повѣрь!

Но догадались ли вы, что было въ бочкѣ этой? Близнецы Княжескіе, коимъ завидовали самозванцы отецъ и мать, ибо боялись, чтобы народъ ихъ не полюбилъ болѣе родителей; у кого совѣсть не чиста, тому и тѣнь кочерги висѣлица. Два брата невинныхъ, жертва коварнаго властолюбія и зависти; одинъ назывался Рогволодъ Сизокрылый орелъ, другой Могучанъ

Богатырская поступь, — имена, данныя имъ крестнымъ отцемъ, волхвомъ, знаменитымъ Людохраномъ, по прозванію Громовой отводъ, прорицали будущую славу ихъ, величіе и могущество; — но теперь — погибло все! Бочка тяжелая семь лѣтъ ко дну идетъ, дна не достанетъ; Могучана Царевича поступь богатырская скована, Рогволода Царевича крылья соколиныя не выносятъ! Лѣниваго дошлешься, сонливаго добудишься, а мертваго — никогда! Возьмите песку горсть, да посѣйте по твердому камню — когда песокъ тотъ взойдетъ, опушкой зеленой поростетъ, тогда воротятся Царевичи изъ невольнаго похода своего! Недобрый Князь, недобрый Бѣлоусъ Сума переметная — Богъ вамъ судья!

И такъ близнецы наши семь лѣтъ уже путешествуютъ среди неба и земли, отрѣшенные отъ свѣта, отъ людей, отъ всего живаго, отъ помощи и пособія, одни, заключенные, носимые буйными волнами по безднамъ океана! Далъ Богъ ротикъ, дастъ и кусочекъ; лежи и жди, сказалъ

Рогволодъ нетерпѣливому Могучану; и оба улеглись снова. Скоро сказка сказуется, не скоро дѣло дѣлается; семь лѣтъ не семь часовъ; а посидите–ка, дѣтки, и семь часовъ на одномъ мѣстѣ, такъ по ногамъ мурашки заползаютъ!

Семь лѣтъ миновались. Настала роковая ночь. Крестный отецъ Царевичей, Людохранъ Громовой отводъ, приказалъ закладывать парадную карету свою; а карета у него была безъ оконъ, безъ дверей, безъ кровли, безъ помосту, ни колеса, ни полоза, ни дышла, ни оглобли — закладывается попросту безъ затѣй, ѣздитъ по землѣ и по морю, со звѣзды на звѣзду перескакиваетъ, сама себѣ пути новые пролагаетъ.

Лишь провѣдала о томъ вѣдьма чалоглазая Карга Фоминишна, по прозванію Рѣдечная тёрка, для того, что у нее, въ молодости, черти на рожѣ въ свайку играли, отъ чего у нее слѣды рябые и до старости еще не изгладились, — лишь провѣдала она о намѣреніи непріятеля своего закоснѣлаго, Людохрана, сѣла

тотчасъ въ возокъ свой. А возокъ у нее былъ, буднишній, черепокъ битый, а праздничный, плошка; подъ черепкомъ тряпица, въ черепкѣ Карга птица, чернымъ лоскутомъ завѣшана, четыре филина въ упряжкѣ, два въ корню, два подъ выносомъ — поросенокъ за фалетора (*), сычъ за кучера, сова на запяткахъ, змѣи летучіе — скороходы и вожатые.

Полетѣли молодцы, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — Людохранъ Громовой отводъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго — вѣдьма чалоглазая, Карга Фоминишна, по прозванію Рѣдечная терка, ниже травы, тише воды — съѣхались надъ моремъ–Океаномъ, среди неба и земли; сталъ Людохранъ доставать со дна морскаго Царевичей, налегла ему на руку вѣдьма чалоглазая, зубами веревку перегрызла. Замахнулся Людохранъ громовымъ отводомъ своимъ, и пословица: часомъ изъ дубины выпалитъ, сбылась. Вѣдьма полетѣла въ море, застонала, берега вторили реву ея, утесы каменные

* Прошу извинить; моему сказочнику *Форрейтера* и не выговорить!

содрогнулись, рыба спасалась на глубину, филины замахали крыльями своими отъ ужаса, и Людохранъ, оглушенный, самъ палъ безъ чувствъ.

И тотчасъ сестра родная Карги Фоминишны, почувъ голосъ знакомый, пусилась на помощь. Баба–Яга, костяная нога, въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ упираетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Вѣдьма чалоглазая сочла ее, въ потьмахъ, за непріятеля своего Людохрана и стала на нее насылать огненныхъ змѣй своихъ, стала сама полетомъ совинымъ налетывать. Баба–Яга пестомъ и помеломъ обороняется, угорѣлой кошкой метается, — и началась битва ужаснѣйшая, какой подобной не было съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ на трехъ китахъ стоитъ; въ сравненіи съ которою морское сраженіе подъ Навариномъ было одною только пустою сшибкою!

Проказитъ бѣсъ на свою голову; Сатана за все берется, да и сатанѣ не все удается! Вѣтры неслыханные взвыли со всѣхъ концевъ вселенной, налегли на море, море застонало, пѣна воздвиглась до небесъ,

молнія камни подводныя крошила въ дребезги, дно морское съ чудовищами своими, отъ роду вѣковъ свѣту Божьяго невидавшими, обнажилось; и — близнецы Царскіе, въ дубовой бочкѣ своей, съ мѣдными обручами, исторженные изъ вертеповъ подводныхъ, летали по верхамъ валовъ. Это было въ полночь; солнце взошло и освѣтило тихое какъ зеркало море, и спокойно на берегу лежащую бочку.

Бочка эта теперь походитъ на яйцо орлицы: ни слуху ни духу, заковано, законопачено, пазамъ и слѣду нѣтъ — а придетъ время, тряхнетъ крыльями орленокъ молодой, и скорлупа раздастся!

Благослови, братъ любезный, потянуться, сказалъ Могучанъ Рогволоду; кости слежались, какъ сельди Голландскія, спину свело дугой ямщицкой, руки, ноги сплелись Валдайскимъ барашкомъ! Полно сидѣть на корточкахъ, сказалъ Рогволодъ, до Бога высоко, до Царя далеко — намъ просить о помощи некого. Потянись, братъ

любезный, въ одинъ конецъ, я потянусь въ другой!

Потянулись братья–близнецы–богатыри, раздалась бочка дубовая, съ обручами мѣдными, полетѣли осколки за тридевять земель, въ тридесятое Государство. — Встали молодцы, оправились, отряхнулись, какъ орлики молодые изъ гнездышка, оглянулись на всѣ четыре стороны, порадовались свѣту бѣлому, и пошли промышлять себѣ жительства, яства и питія. Познали себя на островѣ чудесномъ, гдѣ всякихъ кореньевъ питательныхъ и вкусныхъ, фруктовъ, овощей и винограду, хоть лопатой загребай; пастила, въ латочкахъ, на деревьяхъ ростетъ, медъ Липецкой густымъ потокомъ клубится, хрусталь сахарной берега его устилаетъ, квасъ малиновый рѣкой судоходной протекаетъ, калачи горячіе Московскіе паромъ своимъ воздухъ согрѣваютъ, мороженое, тридцатипяти сортовъ, на подносикахъ золотыхъ, дѣвушки русокосыя разносятъ.

Не хочу и рая, сказалъ Могучанъ, буду здѣсь жить и умирать. Накинулъ кольчугу чеканную, шеломъ съ летучимъ зміемъ и гривою косматою, поднялъ щитъ какъ солнце ясный, и мечъ кладенецъ. Оглянулся на Рогволода — на немъ латы изъ подъ молотка; шеломъ заморской выведенъ на передъ львинымъ рыломъ, глаза вставлены алмазные, яхонтами осыпаны, въ рукѣ щитъ тусклой работы, съ прописью не Славянскою; копье булатное хвостикомъ касаточкинымъ выведено, кистями шелковыми разукрашено. Сердце у нихъ такъ стучало, что латы серебряныя звенѣли!

Еще ли хочешь здѣсь жить и умирать? спросилъ Рогволодъ Могучана. Нѣтъ, братъ любезный, стыдно, семь лѣтъ проспавши, добраго ничего не сдѣлавши, на осьмой нѣжиться лелѣяться, въ меду, какъ въ маслѣ сыръ, кататься; — пойдемъ, куда стопы понесутъ богатырскія, поищемъ приключенія, похожденія и судьбы. Мы не на щитахъ возлелѣяны, не подъ шеломами повиты, не концемъ копія воскормлены, а

стоимъ и такихъ. Пойдемъ, покажемъ рыси своей. Разошлись парни, поклонились въ поясъ братъ брату, положили по поклону отцу и матери, родителямъ невѣдомымъ, помолились и пошли. Слушай ты богатырскаго посвиста моего, я буду слушать твоего. Будемъ стоять горой братъ за брата. Прощай.

Разошлись добрые молодцы въ разныя сторонушки — какъ же намъ быть? на двое не разорваться, а покинуть одного жаль! Богъ вѣсть, когда съ другимъ опять свидишься!

Могучанъ Богатырская поступь, пяти шаговъ не прошелъ, жеребецъ удалой его нагоняетъ; ржетъ, паръ изъ ноздрей; бьетъ копытами мать сыру землю; сѣдло Кабардинское, подъ попоной малиновой, подпругами золотыми пристегнуто; уздечка сафьяновая, вязаная, бляшками серебряными съ чеканью вороненой разукрашена. Улыбнулся Могучанъ счастью своему сиротскому, ухватился лѣвою за гриву, занесъ ногу въ стремя — видитъ, батракъ, въ бронѣ кожаной, въ

шишакѣ, съ предлиннымъ перомъ индюшечьимъ, огромный мечъ при бедрѣ, на широкомъ черномъ ремнѣ съ пряжкою оловянною, усы четверти въ полторы — подаетъ ему стремя. Ты кто таковъ? — Тришка, по прозванію Боровикъ, вѣрный слуга твой. — Мнѣ дядьки не надобно, сказалъ Могучанъ; меня выносило во утробѣ своей море синее, валъ гремучій пѣстовалъ на лонѣ своемъ, на рукахъ носилъ вѣтръ ревучій, а гроза и буря убаюкивали! Собирайся, Боровикъ, во походъ итти, раскланяйся на всѣ четыре стороны, ступай, ищи самъ себѣ приключеній, похожденій и судьбы! Самъ взвился и сѣлъ. Конь захрапѣлъ подъ сѣдокомъ: — терпи казакъ, атаманъ будешь, сказалъ Могучанъ, ударилъ коня пятами по крутымъ бедрамъ, свиснулъ богатырскимъ посвистомъ, опустилъ забрало рѣшетчатое и поскакалъ, только пыль столбомъ. Такъ онъ скакалъ, давъ волю коню своему, аргамаку неутомимому, отъ полночи на полдень, три дня и три ночи. Видѣлъ во снѣ Баянъ соловей, пѣснопѣвецъ затѣйливый,

какъ скакалъ Могучанъ Царевичъ, Богатырская поступь, и сложилъ именемъ его пѣсню:

Пѣснь о Могучанѣ Царевичѣ Богатырской поступи, и о летучемъ борзомъ конѣ его аргамакѣ неутомимомъ.

Лишь смеркается день, и привѣтливо тѣнь
И вблизи и вдали устлалась на земли —
Я взвился на коня и помчалъ онъ меня,
Какъ легокъ вѣтерокъ, мой соколъ черезъ долъ!

И потокъ поперегъ ли, ручей ли съ полей,
Безъ разбору я мчусь, безъ оглядки несусь —
Чуетъ конь гдѣ огонь, гдѣ вода, гдѣ бѣда,
Выплывалъ изъ воды, изъ огня, изъ бѣды!

Я дороги не зналъ — я скакалъ, въ перевалъ
Отъ зари до зари — ночь и день, черезъ пень,

И о плиты копыты стучатъ и звенятъ
По полямъ, по кустамъ, черезъ тернъ, черезъ дернъ!

А потокъ гдѣ широкъ, гдѣ рѣка глубока,
Я сѣдло покидалъ, я за гриву хваталъ
Жеребца–удальца — на тотъ край выплывай,
Выноси, удалой, ѣздока ты съ собой!

Стой! заревѣлъ ужасный голосъ — и Могучанъ узналъ того же злодѣя, у котораго нѣкогда Вадимъ отбилъ Княжну Кіевскую. Тотъ же ростъ огромный, та же стать исполинская — кожа медвѣжья за спиною, дубина стопудовая на плечахъ. Онъ счелъ видно Могучана за Вадима, и хотѣлъ отмстить обиду; рука отрубленная прикована была къ плечу желѣзнымъ ободомъ. Рогволодъ не разсудилъ ему рубить руки, чтобы не растревожить старой раны, а принялъ плечемъ богатырскимъ ударъ дубины, и мечъ кладенецъ запустилъ исполину въ пѣнящійся зѣвъ, по самую рукоять. Столѣтніе дубы выворачивалъ съ

одного маху палицей своей, валялъ по сотнѣ конныхъ и пѣшихъ витязей — а Могучану Царевичу и синяка не означилъ на плечѣ богатырскомъ. Вотъ какъ наши поправляются! Знать не на того наскочилъ!

Прошло опять дней и ночей нѣсколько, ѣдетъ Царевичъ нашъ шагомъ, потупилъ взоры передъ себя, досадуетъ, что некому развеселить богатырской души его, скучаетъ безъ похожденья. Вдругъ видитъ, стоитъ надъ дорогой мѣльница — крылья сами ходятъ, сами мѣшки таскаютъ, сами на жерновъ высыпаютъ; мѣшки изъ рядна небѣленаго, а рядно парчевое; зерна пшеничныя золотыя, ржаныя серебряныя, сыплется мука жемчужная, сама на выборъ по ниткамъ нижется, по пасмамъ раскладывается, а ни кого не видать. Могучанъ, возвыся голосъ молодецкій, сталъ призывать хозяина. Трынка Волынка Гудокъ, и супруга его, Прялка Моталка Валекъ, оба отозвались: Трынка Волынка Гудокъ сидитъ на семи куляхъ въ углу и куетъ золотыя колечки, а Прялка Моталка Валекъ прядетъ шелкъ, да нижетъ

жемчужныя ожерелья. Продайте мнѣ нитку жемчугу, люди добрые! сказалъ Могучанъ. Жемчуги наши не продажные, не даровые, а завѣтные, отозвалась Прялка Моталка. А что завѣту на нихъ? спросилъ Царевичъ. На каждое мое ожерелье, мужъ мой куетъ по колечку обручальному, а кольцо обручальное опять завѣтное. На него для добраго молодца, каковъ ты, три завѣта. Браться не браться, любо и вольно; а возмешься снять завѣты, да не сможешь, прошу не прогнѣваться, если роду ты не холопьяго, а Княжескаго, будешь у насъ семь лѣтъ батракомъ служить! Не давъ слова крѣпись, а давъ слово держись. Первой завѣтъ, показать силу и искусство тѣлесныя, найти замокъ пловучій семибашенный, да освободить малиновку–заключенницу изъ подъ плѣну безсрочнаго. Второй, показать силу и свойства душевныя, нравственныя, сдѣлать доброе дѣло и не похвалиться имъ, не искать, не ожидать и не просить награды. Третій, отличиться свойствами и качествами умственными, показать умъ да разумъ свой,

загадать такую загадку самодѣльщину, чтобы Трынка Волынка Гудокъ и Прялка Моталка Валекъ надъ нею призадумались, и въ трои сутки не разгадали.

Пустился въ путь Царевичъ, искать замка пловучаго, семибашеннаго. Карга Ѳоминишна, вѣдьма чалоглазая, по прозванію рѣдечная терка, тотчасъ дала знать объ этомъ брату своему, гремячему Змѣю–горыничу стоглавому, чудовищу непобѣдимому — а тотъ и сталъ подсылать подчиненныхъ своихъ на встрѣчу Царевичу, затруднять путь ему, съ дороги сманивать, чтобы не нашелъ онъ замка пловучаго семибашеннаго. Сталъ лѣшій передъ нимъ мѣлкимъ бѣсомъ разсыпаться, кошкой черной въ сумеркахъ черезъ дорогу перекидываться — покинулъ Царевичъ дорогу битую, пошелъ по полямъ, по кочкамъ, стороною, лѣсомъ — потеряла кошка Царевича, пошла, сѣла на перекрестокъ выжидать другаго прохожаго. Сталъ лѣшій филиномъ пучеглазымъ налетывать, крыльями совиными своими Царевича обмахивать — навелъ онъ, среди

темной ночи, яркій какъ солнце щитъ свой, на филина полуночнаго — испугался филинъ свѣта и убоялся и пропалъ. — Сталъ лѣшій съ травою съ лѣсомъ ровняться, заслонять дорогу, ложнымъ посвистомъ богатырскимъ насвистывать, въ чащу глухую лѣса витязя заманивать: — нѣтъ, сказалъ Могучанъ, не таковъ посвистъ молодецкій брата моего, Орла Сизокрылаго; у него, съ посвиста, у звѣря волосъ дыбомъ, а у дуба листья осыпаются! Сталъ лѣшій плакать жалостно малюткою, хохотомъ рѣзкимъ по лѣсу разсыпаться — но Царевичъ идетъ, да идетъ, путемъ своимъ, куда глаза глядятъ, куда стопы несутъ богатырскія, за каждымъ шагомъ къ терему приближается. Видитъ наконецъ, змѣй летучій Горыничъ, чудовище стоглавое, непобѣдимое, что послы его съ пути сбить Царевича не возмогли, а указали ему только дорогу ко гнѣзду его и жилищу, къ терему семибашенному, въ открытый бой съ нимъ вступаетъ. — Стоитъ, на озерѣ обширномъ, теремъ семибашенный, пловучій, безъ приступу, безъ воротъ;

выплываютъ изъ семи башенъ по семи кораблей, на каждомъ кораблѣ по семи батарей, на батареѣ по семи самострѣловъ, на каждомъ самострѣлѣ по семи–сотъ стрѣлъ. Осыпали стрѣлы Царевича, такъ, что свѣту Божьяго не взвидѣлъ: солнце затмилось тучами ихъ.

И не птица, а летаю,
Но крылами не машу —
Клевъ булатный; настигаю —
Какъ вопьюсь, такъ задрожу!
Я летаю, не виляю,
Не пою я, а свищу!

Но поступь богатырская пронесла его мимо гибели, и невредимый сталъ онъ у стѣнъ крутыхъ досчатыхъ. А стѣны крутыя досчатыя, съ верху до низу струнами унизаны громозвучными; что шагъ, то загудятъ, заиграютъ, близость непріятеля хозяину, змѣю Горыничу, возвѣщаютъ. Шагнулъ Царевичъ еще разъ богатырскою поступью своею, не коснулся пятою ограды зачарованной, ни вершины стѣны

семибашенной, и попралъ стопами старшаго дѣтища сатаны, змія Горынича, огненнаго, стоглаваго, непобѣдимаго. Стоитъ среди озера свѣтлаго островокъ съ локотокъ; на томъ островѣ ростетъ береза золотыя сучья, на тѣхъ сучьяхъ сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни Царскія; на самой на макушкѣ виситъ клѣтка воздушная, изъ проволоки невидимки; — а проволока та свита изъ однихъ чистыхъ поцѣлуевъ дѣвственныхъ, переплетена лучами взоровъ очей карихъ и голубыхъ — въ той клѣткѣ сидитъ–порхаетъ малиновка–узникъ, въ плѣну безсрочномъ горюетъ. Высвободилъ Могучанъ Царевичъ, не плѣняся пѣснями райскими, сладостными, усыпительными, малиновку заключенницу изъ плѣна завѣтнаго, безсрочнаго; малиновка взвилася на крылышкахъ яхонтовыхъ, перекинулась красною дѣвою, и исчезла въ синемъ морѣ неба вѣчнаго. Грянулъ громъ и замокъ зачарованный, семибашенный, со всѣми причудами своими, исчезъ какъ не бывалъ; и среди поля чистаго остался одинъ Царевичъ съ думою своею.

Ты ли суженая поманила мнѣ,
Бытіемъ не земнымъ повѣяла?
Ты ль на ясную душу молодца
Развеселую, разудалую,
Богатырскую, неповинную —
Ты ли грусть на нее накликала? —

Ты ли суженая поманила мнѣ,
Бытіемъ не земнымъ повѣяла? —

Не ожидаетъ ли теперь Трынка Волынка Гудокъ и супруга его, Прялка Моталка Валекъ, чтобы я воротился къ нимъ за жемчугомъ? Нѣтъ, не придастъ мнѣ жемчугъ и золото ни спокойствія, ни довольствія, и домогаться его, за дѣянія свои, есть дѣло недостойное Могучана Царевича! У меня въ груди проснулось сокровище: Безкорыстное влеченіе дѣлать добро и сохранять чистую совѣсть. Она меня наградитъ по достоинству за дѣла и поступки мои, не вознесетъ пустословіемъ, не уронитъ оговоромъ и клеветою. Но едва успѣлъ Царевичъ предаться такимъ

образомъ влеченію новыхъ пробудившихся въ немъ чувствъ и мыслей, какъ симъ самымъ исполнилъ второй завѣтъ. Онъ позналъ себя передъ тою же мѣльницею: крылья сами ходятъ, сами мѣшки таскаютъ, мѣшки изъ рядна небѣленаго, а рядно парчевое; зерны пшеничныя золотыя, ржаныя серебряныя, сыплется мука жемчужная, сама на выборъ по ниткамъ нижется, по пасмамъ раскладывается; — Трынка Волынка и Прялка Моталка вышли къ нему на встрѣчу, и принявъ слово рекли: Охъ ты гой еси добрый молодецъ Могучанъ Царевичъ Богатырская поступь! Первые два завѣта тобою исполнены во всей строгости; но теперь обязанъ ты приступить и къ третьему, увѣнчаться стяжаніемъ достоянія единственнаго, или подпасть на семь лѣтъ подъ плѣнъ и рабство намъ и наслѣдникамъ нашимъ. Теперь, царевичъ, думай да загадывай загадку–самодѣльщину, чтобы мы вдвоемъ, призадумавшись, въ трои сутки ее не разгадали. Могучанъ царевичъ въ карманъ не полѣзъ за нею. Ѳома не

купитъ ума, свой продаетъ; разгадайте же мою загадку!

Загадка.

Наша шайка луга любитъ зеленые,
На разбой ночной не по дубравамъ ходитъ.
Въ нашей шайкѣ житъ и бытъ заповѣдные —
Атаманъ съ собой артель свою выводитъ.
Въ нашей шайкѣ атамановъ–то четыре;
Не велики мы, а рожа рожи ширѣ!
Носимъ красныя рубахи, голубыя, —
А кафтаны, всѣ въ одинъ на насъ, рябые.
И артелей, по атаманамъ, четыре;
Знамена свои, значки заповѣдные!
Намъ пардону нѣтъ; пардону мы не просимъ;
А двойной комплектъ головъ въ запасѣ носимъ!
Подъ казенной содержались мы печатью —

Чортъ ли вольницу удержитъ, нашу братью!

Атаманъ у насъ одинъ уже клейменый! —

При огняхъ заповѣдныхъ, на лугъ зеленый,

По ночамъ мы на разбой идемъ условной —

Нѣтъ поживы съ насъ Палатѣ Уголовной!

Атамановъ двое рыжихъ, два чернавыхъ;

Стерегитесь, люди добрые, лукавыхъ!

Королей, Царицъ, Царевичей плѣняли,

Кого шутомъ, кого нищимъ покидали!

Атаманъ очередной и бьетъ и рубитъ,

Больше всѣхъ насъ чередной артелью губитъ!

Крѣпостные мы; за деньги рады драться;

Кто насъ купитъ, за того идемъ стараться;

Покупать — такъ намъ же въ руки отдаваться —

Не дадутъ ни посмотрѣть, ни торговаться!

А привяжемся, добромъ не отвязаться!

Полно думать, Трынка, какъ не догадаться!

Но Прялка Моталка и Трынка Волынка надъ этою загадкою такъ призадумались, что у нихъ было и мѣльница стала! Тогда Могучанъ Царевичъ вошелъ и выбралъ себѣ золотое колечко и къ нему ожерелье любое. Царевичъ, сказалъ теперь Трынка, я твой слуга и вся моя семья; что прикажешь, то будемъ дѣлать, твои рѣчи ловить, твою службу служить; колечко ты взялъ неоцѣненное; колечко, надѣляющее тебя рукою и сердцемъ Русской Княжны Милонѣги, изъ дому Гостомыслова; той самой, которая, зачарованная, подъ завѣтомъ сидѣла малиновкою, среди замка семибашеннаго, въ клѣткѣ–невидимкѣ на березѣ золотой; она теперь твоя. Не сбылось еще великое, сказалъ Царевичъ, до Русской земли еще далеко, далеко — дорога моя лежитъ туда, прямо съ полуночи на полдень!

Витязь прошелъ опять три дня, три ночи, сталъ снова скучать–горевать отъ

бездѣлья, накликать похожденья. Вдругъ, видитъ, зашелъ въ дичь такую непроходимую, что ни взадъ, ни впередъ, ни въ бокъ, ни въ другой; терновниками превысокими заглохло все кругомъ, такъ что скрябкой не продерешься; — слѣзаетъ Могучанъ Царевичъ съ коня своего молодецкаго, поступью богатырскою шиповники колючіе попираетъ, путь–дорогу новые себѣ пролагаетъ. Ночь застигла его темная; не видать ни зги; прутья въ глаза продираются, ноги Княжескія подсѣкаютъ — дождь льетъ ливмя, градъ сѣчетъ, буря валяетъ деревья, молнія летаетъ какъ змѣи огненныя, скороходы–вожатые Карги Фоминишны, волки голодные завываютъ, добычу свою поджидаютъ. Видно Перунъ на посидѣлки ушелъ, подумалъ Царевичъ, а ребята отъ бездѣлья добрались до снарядовъ его — погоди, воротится, такъ онъ васъ!

Но погода не унималась, градъ билъ еще сильнѣе, громъ рыкалъ безпощадно, деревья сплетались сучьями рука съ рукой; — негдѣ приклонить головушки отъ

буйной непогодушки! Подломились колѣна богатырскія, упалъ Могучанъ Царевичъ ожидать разсвѣту. Вдругъ земля подъ нимъ разступилась — блѣдный свѣтъ разноцвѣтныхъ огней поразилъ изумленный взоръ его — благозвучіе чудное, слухъ: — онъ сидитъ на колесницѣ, выдѣланной изъ одной жемчужины; подъ нею Китайскія колесы огненныя, олени заморскіе въ упряжкѣ, отроки, отроковицы, цвѣтами путь посыпаютъ, пѣсни лестныя напѣваютъ — по обѣ стороны, на липкахъ, горлинки воркуютъ, бѣлки прыгаютъ, орѣшки погрызываютъ — подъ ними въ зелени шелковой пушистой зайчики играютъ, путниковъ провожаютъ; ребятишки за ними вслѣдъ гоняются; а одинъ плутишко зануздалъ косаго васильковымъ вѣночкомъ, гонцемъ передъ колесницею скачетъ; музыка роговая, голосомъ играетъ выговариваетъ, похожденія Могучана Царевича воспѣваетъ.

Подвезли олени колесницу жемчужную подъ крылечко бѣломраморное; сорокъ сороковъ столповъ хрустальныхъ сведены

сводомъ изумруднымъ; солнце алмазное, вмѣсто люстры, на цѣпи серебряной, виситъ по срединѣ, яхонты какъ звѣзды по своду разсыпаны, луна на закатѣ, господа всякихъ чиновъ и званій подъ сводомъ тѣмъ прохаживаются, на качеляхъ святошныхъ качаются; пьютъ, да гуляютъ, да пѣсенки попѣваютъ, вѣчная имъ масляница! Облачка подъ тѣмъ сводомъ искони вѣка не видывали, ненастья не вѣдаютъ, бури назвать не умѣютъ! Встрѣтили Царевича дѣвушки пригожія, изъ колесницы жемчужной высадили, цвѣточками закидали, повели въ обитель мира, дали выпить зелья забвенія суеты: — съ Царевича прошлое какъ рукой сняло; будто снова на свѣтъ народился; сталъ веселиться забавляться, яствами разными наслаждаться; вдругъ видитъ, и глазамъ богатырскимъ не вѣритъ, видитъ познаетъ въ толпѣ батрака своего, Тришку Боровика; онъ подъ ручку съ блинницей прохаживается, въ рукахъ кружка ведерная съ медомъ, въ зубахъ осетрины кусочекъ, съ коровій носочекъ, подъ мышкою

окорокъ цѣлый. Шила въ мѣшкѣ не спрячешь; Тришку Боровика въ толпѣ знать, какъ пугало въ горохѣ! Ты какъ сюда попалъ? спросилъ его Царевичъ. Несказанно обрадовался онъ, увидѣвъ господина своего, и бросился обнимать колѣни его. Гора съ горой не сходится, сказалъ онъ наконецъ опомнившись, а горшокъ съ горшкомъ столкнется! Разставшись съ Витяземъ на островѣ волшебномъ, пошелъ онъ, по повелѣнію его, искать себѣ похожденія, приключенія и судьбы; но не нашелъ; видно несчастливъ выходъ былъ, или не хорошо порогъ переступилъ, или заяцъ дорогу перебѣжалъ, но только не встрѣчалъ я ни бабы съ пустыми ведрами, ни попа. Иду, иду, говоритъ, вдругъ вижу, стоитъ избушка на куриныхъ ножкахъ. Я слыхивалъ съ мала, отъ бабки, какъ съ нею заговаривать: избушка, избушка, обернись ко мнѣ передомъ, къ лѣсу задомъ, стань передо мной, какъ листъ передъ травой! Сказалъ разъ, и другой, и третій, — нѣтъ, не ворочается избушка моя! Я взошелъ

такъ, анъ не избушка на куриныхъ ножкахъ, а запросто сказать питейный домъ. Нечего дѣлать; на грѣхъ лукавый натолкнулъ, выпилъ вина полугарнаго крючокъ и пошелъ. Встрѣчаю троихъ пѣшеходцевъ; съ перваго взгляду узналъ, что ребята теплые! Они задаютъ мнѣ загадку: Шло ихъ трое, нашли они пять рублей; семеро пойдутъ, много ли найдутъ? — Разгадаю, находку по поламъ; а нѣтъ, такъ итти куда пошлютъ. Я думалъ, думалъ, безъ счетовъ не сложилъ, пришлось итти по посылу. Стой, не шатайся, иди, не спотыкайся, гляди, не оглядайся, ври, не завирайся, а согрѣшишь — покайся! Дали подзатыльника и отпустили на произволъ судьбы. Ходилъ бы я и теперь, не спотыкался, если бъ не попалъ сюда; раздумалъ я искать судьбы, видно жить и умирать безъ нее; забылъ я про бѣлый свѣтъ, сосватался я, Тришка Боровикъ, съ блинницею Василисою, по прозванію Сыроѣжкою....

Въ это мгновеніе Царевича поразило что–то необычайное; пѣніе знакомое

райскихъ птицъ раздалося, какъ далекій призывный голосъ, и заревомъ прозрачнымъ окруженный ликъ, душѣ его знакомый, возрастая отъ свѣтлой точки до естественной величины и лѣпоты своей, носился передъ нимъ какъ сонъ мечтательный. Онъ стоялъ, утопая душею въ созерцаніи сладостномъ....

Свистъ раздался въ ушахъ Могучана Царевича, онъ узналъ посвистъ богатырскій брата–близнеца, Рогволода, Орла сизокрылаго — шагнулъ исполинскою поступью своею и предсталъ на помощь завѣтную. Два богатыря въ борьбѣ изрыли землю пятами: шишаки сбиты, доспѣховъ бранныхъ, сокрушенныхъ, обломки на травѣ; обнаженными руками напирая другъ на друга, ухватились они, каждый, за желѣзную грудь противника, и латы измятыя въ пяти пальцахъ трещали. Они стояли недвижимо. Витязь бросился на помощь брату, и оцѣпенѣлъ: который изъ васъ? — воскликнулъ изумленный, окидывая бѣглымъ взоромъ обоихъ, — бросился въ средину и рознялъ ихъ. Они

походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Тройни долго стояли другъ противъ друга, не могли собою надивиться, нарадоваться. Рогволодъ и Могучанъ теперь только узнали, что у нихъ былъ третій братъ, котораго вѣдьма чалоглазая, Карга Фоминишна, уронивъ, потеряла, а Русалка Пересвѣта, дочь Кудесника Людохрана Громоваго отвода, подняла, вскормила, вспоила и для дѣлъ великихъ наставила и сберегла. Она пролетѣла теперь надъ тройнями и подала имъ, съ улыбкою, доспѣхи новые: на трехъ щитахъ, Славянскою прописью, чеканною золотою насѣчкою, выбиты были имена, на одномъ: *Рюрикъ*, на другомъ: *Синавъ*, на третьемъ: *Труворъ*. Она же привела къ ногамъ ихъ Посольство богатое; послы пали на колѣна и рекли: земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ; идите владѣть и княжить ею, и творите судъ и правду. — Тройни сложили три руки правыя вкупѣ, и, съ обнаженными главами, призывали Перуна, Славянскаго Бога, который спасъ

ихъ отъ гибели, и далъ имъ новое отечество и Княжество. Аще Богъ съ нами, ни кто же на ны. Что нужды въ имени, онъ надъ вами!

Пришедъ въ столицу свою, поклонились они праху вотчима и мачихи, по обряду земли своей. Ихъ давно уже не было на свѣтѣ. Бѣлоусъ переметная сума, спотыкаясь по милости Царской, разбилъ себѣ носъ; а шатаясь по всѣмъ угламъ за поживой, попалъ наконецъ къ мужику на волчій капканъ. Онъ просилъ у Царевичей милости и пощады. Лапти плетешь, а концовъ хоронить не умѣешь, сказалъ Рогволодъ; вороватъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ! Признайся же, что ты бездѣльникъ! Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ, отвѣчалъ Бѣлоусъ; блаженъ человѣкъ иже милуетъ и скоты! Его освободили; но онъ уже сталъ спотыкаться по неволѣ, ибо былъ объ одной ногѣ. Когда же и этого урока ему было мало, и онъ, съ честными товарищами, началъ проказничать по прежнему, тогда Царевичъ собралъ ихъ всѣхъ въ кучу, посадилъ на ладонь, да другою ударилъ, только мокренько стало!

Вѣдьма чалоглазая Карга Ѳоминишна, по прозванію рѣдечная терка, услышавъ о счастливомъ прибытіи Царевичей, хотѣла удавиться отъ злости: семь разъ вѣшалась, семь разъ обрывалась; ни одна веревка ее не сдержала, но и петля съ шеи не сымалась; она ходитъ и понынѣ съ семью обрывками на шеѣ! Совы стали пугаться ее, щелкали носомъ и махали крыльями; поросенокъ покинулъ отъ страха Филина, верховаго и подручнаго, честь и мѣсто фалеторское, замоталъ хвостикомъ, захрюкалъ и побѣжалъ! Сычъ соскочилъ съ козелъ и полетѣлъ, словомъ, экипажъ куріозный разстроился весь. Прялка Моталка Валекъ и Трынка Волынка Гудокъ были призваны въ Царство новое, гдѣ мололи жемчугъ и низали ожерелья, ковали кольца обручальныя на всѣхъ молодыхъ, украшали дѣвицъ русокосыхъ. Тришку Боровика и Василису Сыроѣжку взяли ко двору въ дураки. Братья Царевичи поженились; взяли по невѣстѣ Славянской; а Могучана сердце–вѣщунъ не обмануло, освобожденная имъ изъ неволи Боярская

дочь Милонѣга, роду Княжаго, сдѣлалась его супругою. А сватала за нихъ невѣстъ Русалка Пересвѣта, дочь кудесника Людохрана, и дала невѣстамъ всѣмъ тремъ приданое несмѣтное; напримѣръ: сарафанъ узорчатый парчевой, вѣковѣчный, носится на обѣ стороны, сколько разъ ни выворачивай, иной цвѣтъ, иной покрой, иная кайма съ бахрамой; къ нему такая же душегрѣя, кокошникъ и весь приборъ. Подарила кукушку съ хохолкомъ; сколько перышковъ въ хохолкѣ, столько разъ кукукнетъ на часъ; а что кукукнетъ, то подаритъ гривною золота! Ѣхать подъ вѣнецъ, дала уютную паровую Англійскую карету, съ музыкой и съ пружинами; вмѣсто колесъ, двѣ пары сапоговъ самоходцевъ, безъ дышла, безъ упряжи, по срединѣ скатерть хлѣбосолка, на ней чарка пивоварня; по бокамъ, въ бархатѣ малиновомъ, перья самописчики, трубы слуховыя, стекла подзорныя, сами устанавливаются, сами глядятъ, сами вѣсти подаютъ! Могучанъ Царевичъ привезъ невѣстѣ своей ожерелье жемчужное,

кольцо обручальное; и другіе братья– Царевичи невѣстъ своихъ на похожденіяхъ не забыли.

Три брата Царевичи узнали теперь настоящія имена свои, и приняли ихъ вмѣсто прозвищъ: Рюрикъ, Синавъ и Труворъ. Они приняли Княженіе и раздѣлили Царство между собою; а если хотите, дѣти, знать да вѣдать, какъ они жили да поживали, такъ читайте отъ нынѣ повѣствованіе лѣтописцевъ; — жилъ былъ въ древности глубокой благочестивый инокъ; онъ описалъ дѣянія, жизнь и подвиги Царевичей нашихъ и потомковъ ихъ. Слава уступила имъ достояніе и имя свое; богатыри наши, въ теченіе временъ грядущихъ, утратили многосложныя прозванія свои, но потомки ихъ и донынѣ просто и коротко называются *Славянами*.

А за симъ сказка моя кончается; а отъ сказки, въ лѣтописяхъ, быль правдивая, истина святая начинается. Давно чудовища побиты стоглавыя; богатыри не родятся величавые и кудесники могучіе — утонули замки пловучіе, погорѣли змѣи летучіе! А

Царевичи доблестные нараждаются, за властію, за Царствами, не гоняются, братья родные, какъ наши витязи, другъ другу Царства уступаютъ, по завѣту предковъ честь и славу раздѣляютъ, судъ и правду подданнымъ учиняютъ! Пойте, Баяны Соловьи, пойте Царевичей своихъ, въ струны златыя ударяйте, славу Славянскую, подвиги доблестные прославляйте! Кто гораздъ и силенъ языкомъ роднымъ и бесѣдуетъ съ вѣками прошлыми, завѣщаетъ намъ двѣнадцать толстыхъ книгъ, лѣтописныхъ, полныхъ правды Русской, краснорѣчія; иной соловьемъ голосистымъ щелкаетъ, птицей райской насвистываетъ, громомъ по поднебесью раскатывается, пѣсни чудныя слагаетъ о Свѣтланѣ, о Вадимѣ, и поетъ во станѣ Русскихъ воиновъ; тотъ Руслана и Людмилу воспѣваетъ, и Царя Бориса житіе слагаетъ — а иной и радъ бы въ рай, да грѣховъ много; котъ и видитъ молоко, да у кота рыло коротко! Не всѣмъ въ златыя струны ударять, Баяномъ–соловьемъ насвистывать, отголоски накликать

громозвучные — были небылицы прошлыхъ лѣтъ не поношены тряпицы, не подъ лавку слѣдъ; ихъ–то слогомъ не кудрявымъ, буднишнимъ, разсказалъ я моимъ дѣточкамъ — уставили дѣти свои ушенки, какъ молодые зайченки, тихо и смирно читали, сказки моей не перебивали, за то она имъ и въ руки далася, кошкою не перекидывалась, пташкою не подлетывала, не лягалась жеребеночкомъ! Не заснули ль, мои дѣточки? —